

Начиная с 30-х годов, Окуневская снялась в двадцати фильмах, среди них "Пышка", "Горячие денечки", "Последняя ночь", "Это было в Донбассе", "Майская ночь", "Александр Пархоменко"... Ее чувственность и умопомрачительная женственность сводили с ума мужскую половину страны. Картина "Ночь над Белградом" с участием актрисы растревожила сердце самого маршала Тито. Он присылал ей охапками черные розы. В Белграде, куда он ее пригласил, народ встречал кинозвезду на улицах. Югославская пресса писала, что Окуневская — смесь Греты Гарбо и Марлен Дитрих. Но это не так: она ни на кого не похожа, она сама — золотой самородок.

В ней всегда чувствовался какой-то вызов времени, даже

дерзость. Борис Горбатов, ее муж, написал повесть "Непокоренные". Однако он не ведал, что самой непокоренной окажется его жена. В сорок восьмом году Татьяну Окуневскую обвинили в политической неблагонадежности и забрали на Лубянку. Она провела в советских лагерях шесть лет. Долгое время об актрисе не было слышно, фильмы с ее участием не шли на экранах. В прошлом году она снова взорвала Москву — на сей раз книгой "Татьянин день", поразившей читателей откровенными характеристиками знакомых всем лиц. У ее ног мог быть весь мир. А она живет в скромной однокомнатной квартире, сверкающей чистотой. Только что Окуневская отметила свой 85-летний юбилей.

Татьяна ОКУНЕВСКАЯ:

Я МЕЧТАЮ ЕЩЕ И ВЛЮБИТЬСЯ

1949—1999, 20 марта — с. 5

за тех, кто погибает в Сибири.

— Могла. У меня там были папа, бабушка и брат.

— Вы вели записи в лагере?

— Нет. Но хитрая штука — память. Вроде бы она у меня не очень хорошая, но то, что надо, застревает в голове накрепко, не вырubiшь. Когда начинала писать книгу, следовало выработать эзопов язык, чтобы цензура пропустила текст и не посадили во второй раз. А когда пришел Горбачев, оказалось, что можно говорить обо всем открыто. Пришлось многое переделывать.

— Начали писать воспоминания сразу после возвращения?

— Ну что вы! Жизнь у меня тогда была хуже, чем в лагере.

— Хуже, чем в ГУЛАГе?

— Злоба и ненависть, которые я ощутила после освобождения, поразили меня. Пошла страшная травля. Может быть, за то, что я вышла, а меня давно похоронили?... Не знаю.

— В чем это проявлялось?

— Началось с того, что Абакумов, тогдашний министр госбезопасности, уничтожил все мои документы. Нужно было все восстанавливать. И когда я начала ходить "по мукам", мне захотелось обратно в лагерь. Там я таскала бревно, было тяжело, плохо, но понятно, где враги, а где друзья... А на воле, в управлении культуры, мне говорили: "Дайте подтверждение от трех лиц, что вы

снимались в такой-то картине". А картина в это время шла на экране. Бред какой-то... И так во всем.

— А как вас встретили коллеги?

— Отношения с ними у меня всю жизнь не складывались. Правда, в "Ленкоме" вначале встретили потрясаяще. Но потом выгнали. Объявили сокращение штатов. И в этом списке я первая — за невозможностью меня использовать. Из кинематографистов дружила с Петей Алейниковым. Думаю, глава о нем у многих вызовет слезы. В принципе я никогда не задирала нос, но меня всегда раздражали ограниченные люди. Ибо каждый человек должен над собой работать. Не знаю, кем бы я стала теперь, если бы в четырнадцать лет слушала не Вертинского, а только Утесова. Или вместо Лермонтова читала Демьяна Бедного.

— Все слушали Вертинского, но не все стали личностями.

— Может быть. В тридцатые годы Вертинского достать было невозможно. Его пластинки были чем-то наподобие "нелегальной" литературы. В юности я уже знала, что Достоевский — это хорошо, а Панферов — плохо, что голод — не самое страшное. Самое же страшное, что к власти пришли люди бескультурные, фанатично разрушающие все старое.

— С каким-то пренебрежением вы пишете в книге о том, что

Горбатов, попав в номенклатуру, стал пользоваться разными привилегиями.

— Но это же отвратительно. Народ умирает с голода, бабы впрягаются в телегу вместо лошадей, а они пируют.

— Неужели у вас с Горбатовым не было ничего общего?

— Ни-че-го! У них с Костей Симоновым была невероятная страсть к карьере и честолюбию...

— А у вас?

— Если бы у меня было честолюбие — жизнь сложилась иначе.

— Но вы же стали актрисой?

— А мне никогда не нравилось быть актрисой. Все время что-то в себе ломать, кого-то изображать. Но такова судьба...

— Чем бы вы занимались, если бы предоставили выбор?

— Научкой. Всю жизнь интересовалась ею. Я всегда у всех спрашивала, а почему это так, а не этак? Недаром меня звали "Почемучкой". Статьи, научные публикации храню вот в этом сундучке около тахты.

— Вы пишете в книге, что у Сталина было тупое лицо. Вам часто приходилось с ним встречаться?

— Когда нас привозили развлекать правительство. Да, у него было тупое, бессмысленное лицо с подкожной звериной хитростью, а когда — "доброе", то такое глупое, что делалось не по себе. Впрочем, зачем, скажите, мне, прожившей жизнь, вспоминать лица Ленина, Сталина, Брежнева?... К черту!

— Встречаетесь с теми, с кем сидели в лагерях?

— Все уже умерли. Но недавно раздается звонок. Снимаю трубку и говорю: "Это Окуневская". И чувствую, что человек на той стороне провода будто умирает, как бы без парашюта шагает в бездну. Мол-

времена. Я испытываю к ним и глубокую жалость, и одновременно горжусь ими. Господи Боже мой, в какой нищете они живут... Всегда задерганные, замотанные, но при этом держатся.

— И при этом любят...

— Ну, это особый Божий дар. Человек, не испытывавший любви, напрасно прожил жизнь. Сама постоянно влюблялась и хотела бы влюбиться еще.

— Когда бывает печально на душе, что помогает?

— Не понимаю, что значит печально? Мне никогда не бывает грустно. На головке надо постоять — и всю печаль как рукой снимет.

— Занимаетесь йогой?

— Да. Держу себя в руках. Зимой сплю с открытым окном. Просыпаюсь, продумываю весь день, а потом под ледяным душем стою, гимнастику делаю. Если кто считает меня сумасшедшей, то и слава Богу (смеется).

— О чем мечтаете?

— Скорее закончить книгу и пожить для себя.

— А что это значит?

— Да хотя бы поваляться целый день на диване без всяких обязательств и почитать то, что хочется. Походить по музеям. Был недавно такой случай в Эрмитаже. Пришла туда, чтобы посмотреть одну картину. Иду быстро, вдруг останавливаю и замираю. Рембрандт написал портретик какого-то современника, а за ним — век, страна, жизнь, народ... Оторваться невозможно. Я вообще не люблю посредственностей. Предпочитаю гениев. Недавно послушала Ростроповича и счастлива на месяц. Моя стихия в музыке — Вагнер, Скрябин.

— А из поэтов?

— Лермонтов. По возрасту еще почти мальчик, но как жил, чувствовал, страдал, какая мятущаяся душа!

— Хотелось бы поехать по миру?

— Да нет. А вот побывать на Байкале — да. Печору обожаю. Была там с концертами уже после лагеря. Там так удивительно восходит солнце, а потом садится, садится, и вдруг исчезает за горизонт...

— Чем больше всего дорожите в своем доме?

— Вот этим бюстом. Это — римский богослов XVII века. В Столешниковом переулке был когда-то антикварный магазин. Однажды зашла туда, увидела его, ахнула — и приволокла домой. Похож на Александра Блока. Смотрю — и вдохновляюсь...

Беседу вела
Людия НОВИКОВА.

